

М. Г. АТАМАНОВ (Тарту)

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА УДМУРТСКИХ МИКРОЭТНОНИМОВ

Первые же исследователи, касаясь происхождения воршудно-родовых имен, отмечали, что сами удмурты не знают их значения, и поэтому считали их необъяснимыми с помощью данных удмуртского языка (Миллер 1791 : 8). Г. Потанин предполагал заимствование их из какого-либо чужого языка. Он пытался сопоставлять некоторые воршудные имена с мордовскими и татарскими словами на основе их внешнего созвучия и, наконец, пришел к весьма важной мысли, что «они могут быть архаическими вотскими формами, сохранившимися вследствие своего важного значения без изменения, тогда как другие формы постоянно изменяются» (Потанин 1884 : 190—191). И. Смирнов, написавший немало о происхождении воршуда, пришел к выводу, что «каковы бы ни были по своему значению все рассматриваемые имена, они имеют одну общую черту — они не объяснимы из вотского языка и должны быть отнесены к категории заимствованных и, вероятнее всего, у чуди» (Смирнов 1890 : 57).

М. Худяков, большой знаток воршудно-родовой организации у удмуртов в целом, считал, что ключ к объяснению родовых имен найден Н. Н. Блиновым (Худяков 1920 : 5). Н. Блинов рассматривал воршудные имена как сложные по образованию, где выделял окончания *-га*, *-ка*, восходящие к самостоятельному слову *гу* 'яма, жилище' (Блинов 1898 : 42). М. Худяков все удмуртские этнонимы в зависимости от окончаний разделил на четыре группы: 1) *-я* (*-а*), 2) *-га* (*-ка*), 3) *-ра*, 4) *-си* (*-зи*, *-чи*, *-ча*). Окончание *-я* исследователь возводил к самостоятельному коми слову *йай* 'ветвь, потомство, племя' (Худяков 1920 : 5—6). И. Смирнов группу *-си* (*-зи*, *-чи*, *-ча*) считал чудской по происхождению (Смирнов 1890 : 36). Такой точки зрения придерживаются и современные исследователи (Бушмакин 1969 : 169—171; 1970 : 168—174).

После того, как было определено, что этнонимы двусоставные по образованию с четко выделяющимися компонентами самостоятельного значения, появилось множество этимологий различного содержания. По мнению многих исследователей, атрибутивная часть родовых имен-этнонимов выражает (классификация самих исследователей, в основном П. Сорокина, М. Худякова, С. Бушмакина):

1. Название племен других народов: *Пурга* (*Порга*) от *пор* 'мариец'; *Можга* от *мось* — племенное название манси; *Чудья* (*Шудья*, *Чудзя*) от этнонима *чудь*; *Бигра* от *бигер* 'татарин; татарский род'; *Эгра* от *югра* 'манси; мансийский род', *Удья* от *уд* — особое удмуртское племя.

2. Название растений: *Пыжъя* от *пыш* 'конопля'; *Чабъя* от *чабей* 'пшеница'; *Куарса* от *куар* 'лист'; *Тукля* от *туг* 'хмель'; *Бодъя* от *бадь* 'ива'.

3. Название живых существ, в основном птиц: *Докъя* от *дукъя* 'глухарь'; *Чола* от *сяла* 'рябчик'; *Уча* от *учы* 'соловей'; *Юсь* от *юсь* 'лебедь'; *Туръя* от *тури* 'журавль' или *тур* 'тетерев'.

4. Топографическое название-термин: *Норъя* от *нюр* 'болото'; *Кушъя* от *куш* 'лесная поляна, голое место'; *Лудзя* от *луд* 'поле; полевая'; *Дурга* от *дур* 'край, крайние, окраинные ямы'; *Нылга* от *ныл* 'девушка; девичьи ямы'; *Порга* (*Пурга*) от *пор* 'мариец' + *-га* 'ямы; черемисские ямы'; *Можга* 'межевые, пограничные ямы'.

5. Род деятельности: *Бодъя* 'пастушеское племя'.

6. Признак общности людей: а) внешний признак жилья: *Пельга* от *пель* 'ухо; род людей, имеющих жилье (ямы, землянки) в виде ушных раковин'; б) внутренний оценочный признак самих людей данного рода: *Жикъя* от *жикыт* 'скромная, аккуратная, экономная, спаянная'; *Затча* от *ят* 'чужой'.

7. Собственное имя: *Дурга* от имени индусской богини *Дурга* (интересное совпадение), *Жикъя-Зумъя* от *Джима* — божество индусов; *Пубъя* от варяжского имени *Пубъинксар*.

8. Названия различных неодушевленных предметов: *Сьолта* от *сьолыт* 'конские пути'; *Пышъя* от *пыж* 'лодка'; *Эгра* от *эгыр* 'уголь'; *Бия* от коми *би* 'огонь'; *Пупъя* от *пуппы* 'ободранное лыко, лутошка'; *Копка* от *капка* 'ворота'; *Пельга* от тат. *бильги* 'памятник'; *Венья* от *вень* 'иголка'; *Норъя* от *ныр* 'нос'; *Омга* от *ым* 'рот'; *Котъя* от *кот* 'живот' (см. Потанин 1884; Верещагин 1886; Сорокин 1895; Блинов 1898; Худяков 1920; Зеленин 1948; Бушмакин 1969; 1970; Архипов 1969 и др.).

Рассмотрев этимологию воршудно-родовых имен удмуртов, мы пришли к выводу, что многие из них, за исключением имен, представленных в пунктах 1 и 3, не выдерживают критики. Если не все, то подавляющее большинство этимологий обосновано лишь внешним созвучием этнонима и названия какого-либо предмета или явления. В результате получен хаотический материал этнонимических данных, начиная с индусских теонимов и кончая нарицательными именами типа *кот* 'живот', *капка* 'ворота' и т. д. Существенным недостатком предыдущих исследователей можно считать то, что они не учитывали очень важный принцип этнонимии — все «древнейшие родовые и племенные имена, доступные для изучения, представляются в форме тотемических обозначений, связанных с наименованиями животных (и растений) и служивших в качестве самоназваний» (Попов 1973 : 159). Ключом к разгадке удмуртских воршудных имен, по нашему мнению, является именно он. Д. Зеленину удалось наиболее близко подойти к сущности воршуда. По данным этнографического материала, он отметил, что культ воршуда унаследовал свой родовой характер от тотемизма. Но, к сожалению, исследователь располагал слишком малым количеством лингвистических данных по этимологии воршудных имен для такого утверждения, что и дало ему повод считать их загадочными (Зеленин 1948 : 1—14).

Анализ этимологий воршудно-родовых имен позволяет сделать следующие выводы:

1. В основе этимологии большинства воршудно-родовых имен удмуртов лежат названия диких животных: лось, олень, белка, куница, норка; птиц: цапля, глухарь, перепелка, ворона, сова, рябчик, соловей, дрозд, журавль, лебедь, орел, канюк, коршун; насекомых: овод, водяной

паук, мошкара, блоха, жук — предполагаемых тотемов рода (Атаманов 1977 : 25—29).

2. В эпоху расцвета матриархата в основу части воршудных имен предположительно легли названия типа *мень* 'невеста' > *Мёнья*; *ныл* 'девушка' > *Нылга*; *узы* 'сноха, золовка' > *Узя* и др.

Возможно, к этому же периоду относится возникновение этнонима *Имъес*, который мы расшифровали как 'небесные люди'. Подобные этнонимы найдены и у других народов (Чернецов 1947 : 161—163; Соколова 1972 : 30). Как отмечает Д. Хайтун, из 70 названий австралийских фратрий можно объяснить значения лишь примерно 30, остальные остаются непонятными. В основе подавляющего большинства известных этнонимов оказались названия животных, чаще всего птиц. В отдельных случаях тотемами могли быть явления природы и даже сам человек (Хайтун 1958 : 16, 33). Удмуртский материал по родовым именам в основном подтверждает это (Атаманов 1977 : 29).

3. В этногенезе удмуртского народа участвовали и некоторые роды и племена других родственных финно-угорских народов. По нашему предположению, таковыми были воршудно-родовые группировки, ведущие свое начало от угорских племен: *Порга* > *Пурга*; *Егра* > *Эгра* (Атаманов 1975 : 35—40); от прибалтийско-финских племен *Чудья* > *Чудьяза*, *Чудна*.

Все воршудные имена по формантам можно подразделить на следующие группы:

1. *-йа* (орф. *-я*): *Апъя*, *Бия*, *Бөдья*, *Вамъя*, *Венья*, *Жикъя*, *Дөкъя*, *Эумъя*, *Эзья*, *Кибъя*, *Көтъя*, *Кушъя*, *Мөнья*, *Нөръя*, *Пөбъя*, *Пышъя*, *Салья*, *Сянья*, *Ташъя*, *Туръя*, *Удья*.

2. *-а*: *Бөня*, *Какся*, *Лөзя*, *Маля*, *Сема*, *Тукля*, *Узя*, *Уча*, *Чола*.

3. *-га*: *Дурга*, *Конга*, *Можга*, *Нылга*, *Омга*, *Пельга*, *Пудга*, *Урга*, *Эбга*.

4. *-ка*: *Занка*, *Куака*, *Көпка*, *Паляка*, *Поска*.

5. *-ра*: *Бигра*, *Эгра*, *Юбера*, *Юра*, *Сюра*.

6. *-ча*: *Вортча*, *Эатча*, *Чунча*.

7. *-ма*: *Болма*, *Лекма*.

8. *-ес* (йэс): *Имъес*.

9. Без форманта: *Поколь*, *Юсь*.

Не признав в целом вышеперечисленные форманты (за исключением п. 8) в качестве самостоятельных слов, мы предполагаем, что они представляют собой архаические суффиксы прауральского или прафинно-угорского происхождения.

-йа (орф. *-я*) — древний суффикс имен на *-ja* представлен в пермских языках очень скудными остатками, например: комиЗ *šondji* 'солнце', удм. *šundy* (перв. 'осветитель'), ср. *šuntyny* 'греть' и др. (Серебренников 1963 : 152). В некоторых отыменных глаголах коми и удмуртского языков обнаруживается суффикс *-j*, например: комиЗ *pasjyny* 'отмечать, делать отметку' (*pas* 'знак; отметка'), удм. *visjany* 'отделить перегородкой' (*vis* 'перегородка'). Параллели имеются в других родственных языках, ср. фин. *tunia* 'нести яйца' (*tuna* 'яйцо'), морд. *kežijams* 'рассердиться' (*kež* 'гнев'), хант. *nemij* 'называть' (*nem* 'имя' (Серебренников 1963 : 341—342)). С. Соколов выделяет как наиболее продуктивную группу названий птиц в удмуртском языке с суффиксом *-ы* (*-и*) < ур. **-j-* (*куажы*, *шушы*, *тури*, *цыпы*), которые, как правило, образуются от слоговой имитации голоса птицы (Соколов 1973 : 80). В эстонской орнитонимии, как и в других прибалтийско-финских языках, встречается очень много названий птиц с суффиксом *-ja*, образо-

ванных от звукоподражательных глагольных основ: *vilistaja* 'скворец' (*vilistama* 'свистеть'), *oigaja* 'сова' (*oigama* 'стонать'), *vinguja* 'связь' (*vinguma* 'свистать') и др. (Мягер 1965 : 5).

По всей вероятности, в основе этнонимов этой группы (за исключением *Мõнья*, возможно, еще некоторых других) лежат зоонимы, названия которых произведены от конвенциональных звукоподражательных глаголов.

Группа воршудных имен на *-а*, должно быть, связана с группой этнонимов на *-йа*. Данные родовые группировки (за исключением *Уча* и *Какся*) весьма малочисленны и ограничены ареалом какого-либо одного диалекта, поэтому трудно судить о более древнем облике без наличия других фонетических вариантов. О существовании у этнонимов *Лõзя* и *Узя* суффикса *-йа* свидетельствуют факты: в топонимии сохранился фонетический вариант этнонима *Лõзя* ~ *Луззä*, где *з̄* < *j. М. Худяков приводит *й*-овый вариант *Узя* — *Узья* (*уз'йа*) (Худяков 1920 : 339). Выпадение *-й*- вполне допустимо: ср. *дока* < *dõkja > *дõкйа*.

Семантически первая и вторая группы также должны быть весьма близкими. Производящая основа слов с *-а* в большинстве случаев восходит к экспрессивно-изобразительной лексике (Алатырев 1976 : 1).

-ка считают суффиксом уменьшительных имен существительных. В уральских языках он развивает и целый ряд других значений — сходства, например: фин. *hiirikko* 'лошадь мышиной масти' (*hiiri* 'мышь'), принадлежности признака или обладания признаком и т. д. (Серебренников 1963 : 140). В удмуртском языке данный суффикс непродуктивен, сохранилось несколько слов, не утративших уменьшительного значения: *куака* 'ворона' < *куа* (звукоподражательное слово) + *-ка* (ласкательный суффикс); *паляка* 'перепелка' (Емельянов 1927 : 108).

По всей видимости, к этой же группе относятся этнонимы на *-га*, что мы считаем озвонченным вариантом *-ка*. В марийском языке также имеются оба варианта суффикса. И. Галкин считает, что *-га* (*-gä*) первоначально имел форму *-*ка* (*-kä*), и вслед за Т. Лехтисало возводит их к уральскому отыменному суффиксу *-*k* (Галкин 1966 : 58—59).

-ма — непродуктивный суффикс. В марийских словах суффикс *-ме* И. Галкин возводит к уральскому *-*т*-овому суффиксу отыменных имен существительных и отмечает, что первоначальное его значение неизвестно (Галкин 1966 : 22—23).

-ра. В словах пермских языков *мугор* 'тело', *гондыр* 'медведь' выделяются суффиксы *-ор*, *-ыр*, которые Б. Серебренников возводит к прауральскому суффиксу отыменных существительных *-*r* (Серебренников 1963 : 144—145).

Представляется весьма интересным рассуждение И. Галкина о суффиксе *-эр*, который в марийском языке образует существительные с собирательным значением: *кожер* 'ельник' от *кож* 'ель', *пунбыр* 'шмель', ср. *пун* 'волос' и т. д. В результате сравнения материалов по родственным языкам исследователь пришел к выводу, что гласный в суффиксе *-эр* первоначально не был суффиксальным, а относился к производящей основе. Сам суффикс *-р* оканчивался на гласный звук, которым могли быть только *-*а*, или *-*ä*, или *-*е*, так как в непервых слогах финно-угорского слова могли выступать только эти гласные (Галкин 1966 : 13—15).

-ча, несомненно, имеет связь с архаичным ныне суффиксом в удмуртском языке *-чо*, переход *а* > *о* в конце слова, за исключением воршудных имен — это общеизвестный факт в удмуртском языке (см. ниже): *кукчо* 'окучник; мотыга' от *коканы* 'рыхлить, окучивать', *чуньчо*

'непоседа, выскочка'; *чунь-чань* выражает зрительный образ движения из стороны в сторону (Алатырев 1976:80—81), ср. также *чунчо* — название маленькой, очень подвижной лесной птички и название удмуртского родового *Чунча*. «Слов, в структуре которых синхронно выделяется аффикс *-чо*, немного. Они обозначают орудие труда, предмет, имеющий определенное назначение, признак, который присущ тому или иному существу... Некоторые воспринимаются как производные от имени и от глагола» (Там же).

В марийском языке имеется суффикс *-ч* (*-еч*), марГ *-ец*, совпадающий с удмуртскими примерами: *Шемеч* — кличка собаки от *шеме* 'черный', *пӱтыреч* 'мутовка' от *пӱтыраш* 'вертеть, крутить' и др. И. Галкин находит примеры и в других финно-угорских языках: комиЗ *лэбач* 'птица' от *лэбны* 'лететь', кар. *piričša* 'тот, кто кусается', венг. *lyukas* 'дырявый', *lyukacsos* 'ноздrevатый, дырявый' от *lyuk* 'дыра' и др. Он считает данный суффикс прафинно-угорским по происхождению (Галкин 1966 : 49).

Итак, все рассмотренные суффиксы непродуктивны и восходят в основном к уральскому праязыковому периоду. Они могли сохраниться только в таких архаичных словах, как воршудно-родовые имена, истоки которых нужно искать в том времени, когда существовало еще уральское языковое единство. Разумеется, не все этнонимы удмуртов возникли в одно время и даже не в одну эпоху — они разновозрастны, но в силу традиций и по аналогии с оформленным уже бытовавшим воршудным имен вновь образующиеся родовые названия образовывались с помощью того или иного из вышеперечисленных суффиксов. Например, этноним *Юмъя* в одном случае оформлен с помощью суффикса *-га*, а в другом *-йа*, ср. ойконим *Юмья*, *Юмга* то же (Гришкина 1976 : 132) — современное название д. *Юмга-Омга* (удм. *Ӝунья*) в Селтинском районе УАССР.

Об архаичности воршудных имен свидетельствует и то, что они сохранили конечный *-а*, восходящий к финно-угорскому праязыку, тогда как в удмуртском языке произошел переход *-*а > -о*: удм. *луо* 'песок', комиЗ *лыа*, фин. *liiva* то же; удм. *культо* 'сноп', комиЗ *кольта* < булг. *кольта* то же; удм. *дуско* 'лоток' < рус. *доска*; удм. *Муско* < рус. *Москва* и др.

Нельзя не отметить и тот факт, что при склонении в некоторых падежах только воршудные имена сохранили древний *-l*-овый суффикс: местный (инессив) — *Эгра|ла|н*, *Пельга|ла|н*, но ср. *луд|ын* 'в поле', *Вишур|ын* 'в Вишуре'; исходный (элатив) — *Эгра|ла|сь*, *Пельга|ла|сь*, но *луд|ысь* 'с поля', *Вишур|ысь* 'из Вишура'; вступительный (иллатив) — *Эгра|ла*, *Пельга|ла*, но *луд|э* 'в поле', *Вишур|е* 'в Вишур'; отдалительный (эгрессив) — *Эгра|ла|сен*, *Пельга|ла|сен*, но *луд|ысен* 'с поля', *Вишур|ысен* 'с Вишура'.

Как отмечает А. Емельянов, «употребление суффикса *-l* с архаичским *-а* очень распространено в воршудных названиях местностей и в этом случае он означает территорию, заключающую в себе данный воршуд: *jumja|la* — Юмьинское, *tšabja|la* — Цыпьянское» (Емельянов 1927 : 116—117). Полную аналогию с этим явлением находим в некоторых других родственных языках. В прибалтийско-финских языках суффиксы *-la*, *-lä* довольно продуктивны при образовании существительных, обозначающих место или совокупность предметѡв, например: фин. *ravintola* 'ресторан', эст. *söökla* 'столовая', *haigla* 'больница' и др. (см. также Хакулинен 1953 : 88—89, 110—111).

Из 70 воршудно-родовых имен нам удалось выяснить этимологию лишь половины. Но и это скудное количество (следует признать, что сре-

ди предложенных этимологий есть и далеко не безупречные) дает возможность говорить о несомненной связи воршудных имен с тотемизмом. Небольшая часть удмуртских микроэтнонимов имеет более прозрачную этимологию и их связь с зоонимами несомненна: *Дюкъя* от *дукъя* 'глухарь', *Какся* от *какся* 'цапля', *Куака* от *куака* 'ворона', *Поська* от *поськы* 'стриж', *Юбера* от *юбер* 'дрозд; скворец'.

В связи с рассмотрением способов образования воршудно-родовых имен удмуртов с помощью специфических суффиксов, рассмотренных выше, хочется отметить, что на севере Европейской части СССР от Урала до берегов Балтики встречается очень много топонимов, образованных с помощью формантов *-га*, *-ка*, *-я*, *-ма*, *-ча*, *-ра*. Нам кажется, что часть этих топонимов, подобно удмуртским ойконимам, отражает родовые имена финно-угорских родов и племен, обитавших на данной территории. Подавляющее большинство удмуртов уже не знает названия своего рода, но они сохраняются в топонимии Прикамья. Дальнейшие исследования в этой области могут дать определенные успехи в деле изучения этнонимии и других финно-угорских народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырев В. И. 1976, Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов. — Вопросы удмуртского языкознания IV, Ижевск.
- Архипов Г. А. 1969, Удмуртские этнонимы. — Ономастика Поволжья I, Ульяновск, 239—243.
- Атаманов М. Г. 1975, Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования Эгра. — Вопросы удмуртского языкознания III, Ижевск.
- 1977, Этимология некоторых воршудно-родовых имен удмуртов. — СФУ XIII 1977, 25—30.
- Блинов Н. Н. 1898, Языческий культ вотяков, Вятка.
- Бубрих Д. В. 1975, Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках. Приложение. — Г. М. Керт, Дмитрий Владимирович Бубрих, Ленинград, 61—102.
- Бушмакин С. К. 1969, Воршудные имена и удмуртская топонимия. — Ономастика Поволжья I, Ульяновск, 166—176.
- 1970, Воршудные имена-микроэтнонимы удмуртов. — Этнонимы, Москва, 168—176.
- Верещагин Г. Е. 1886, Вотяки Сосновского края, С.-Петербург.
- Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка II, Йошкар-Ола.
- Гришкина М. В. 1976, Численность и расселение удмуртов в XVIII веке. — Вопросы этнографии Удмуртии, Ижевск, 95—133.
- Емельянов А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Зеленин Д. К. 1948, Происхождение «воршуда». (Рукописный фонд УдНИИ, папка № 124).
- Миллер Г. Ф. 1791, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, а именно: черемис, чуваш и вотяков.
- Мягер М. 1965, Эстонские названия птиц, Таллин (автореферат канд. дисс.).
- Потанин Г. Н. 1884, У вотяков Елабужского уезда. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете 3, Казань, 189—251.
- Попов А. И. 1973, Названия народов СССР, Ленинград.
- Серебренников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Смирнов И. Н. 1890, Вотяки. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете VIII, вып. 2, Казань.
- Соколов С. В. 1973, Название птиц в удмуртском языке, Ижевск (автореферат канд. дисс.).
- Соколова З. П. 1972, Культ животных в религиях, Москва.
- Сорокин П. 1895, О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков. (Рукописный фонд Кировского государственного областного архива, ф. 170, оп. I, ед. хр. 127).
- Хайтун Д. Е. 1958, Тотемизм. Его сущность и происхождение, Сталинабад.
- Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка. Часть I. Фонетика и морфология, Москва.

- Худяков М. Г. 1920. Вотские родовые деления. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете XXXI, вып. I, Казань, 1—18.
- Чернецов В. Н. 1947. К истории родового строя у обских угров. — Советская этнография VI—VII, Москва—Ленинград, 160—163.

М. G. ATAMANOV (Tartu)

THE MORPHOLOGICAL STRUCTURE OF UDMURT MICROETHNONYMS

All Udmurt microethnonyms can be divided into the following groups on the basis of their formatives: (1) *-йа* (*Апъя, Кибъя, Мёнъя*, etc.), (2) *-а* (*Какся, Маля, Тукля*, etc.), (3) *-га* (*Дурга, Можга, Эбга*, etc.), (4) *-ка* (*Куака, Кёпка, Паляка*, etc.), (5) *-ра* (*Бигра, Эгра, Сюра*, etc.), (6) *-ча* (*Вортча, Зятча, Чунча*), (7) *-ма* (*Болма, Лекма*). Part of the formatives were believed to have taken their origin from meaningful words, e. g. *-га* (*-ка*) < Udmurt *gy* 'hole; dwelling', *йа* (*-а*) < Komi *йай* 'meat; offspring; tribe'. The present author, however, after an etymological study of Udmurt clan names, suggests that most of the microethnonyms are based on names of birds and animals serving as clan totems. Thus the formatives cannot be considered as having taken their origin from meaningful words but from zoonym suffixes of the Proto-Uralic or the Proto-Finno-Ugric period.